

КОНФЕРЕНЦИИ

В.И. Солонникова

Обсуждение проблем демократии в современном мире

В 2007–2008 гг. на базе сектора истории политической философии работал методологический семинар «Политический суверенитет: история проблемы и современность» (руководитель – доктор философских наук И.К.Пантин). Семинар, проводившийся в рамках более обширного проекта «Суверенная политика в условиях демократии» (руководитель – академик А.А.Гусейнов), работал по одной из приоритетных тем исследований, утвержденных для Института философии как Учреждения Российской Академии наук. Определяя задачи семинара, И.К.Пантин отметил, что с учетом феномена, недавно получившего название «суверенной демократии», необходимо заново осмыслить комплекс проблем, связанных с, казалось бы, уже известными понятиями суверенитета и демократии, которые, однако, до сих пор не получили общепринятого определения. При этом важно, чтобы наши рассуждения сопрягались с реальными проблемами России.

В докладе «Проблемы и противоречия становления демократии в России» **И.К.Пантин** отметил, что многие характеристики возникшего сравнительно недавно демократического режима в России либо недостаточно определены, либо выступают в качестве проблем, решение которых требует рефлексии и опыта. С одной стороны, в истории общественного движения России не существовало сколько-нибудь значительной демократической традиции, на которую можно было опереться. То, что В.И.Ленин в «Детской болезни “левизны” в коммунизме» назвал «солидной демократической традицией», относилось главным образом к народ-

нической, крестьянской демократии, в целом чуждой европейским демократическим и либеральным ценностям. С другой стороны, в силу ряда исторических обстоятельств, таких как поляризация современных и традиционных секторов экономики в условиях «догоняющего» развития, «европеизированный» характер ценностей культурного сообщества, противостоящих традиционалистской и полутрадиционалистской культуре масс и т. п., российская интеллигенция очень редко находила в положении народа источник проблем, требующих демократического разрешения. Не случайно демократическая идея в том виде, в каком она вошла в сознание российских демократов конца 80-х – начала 90-х гг. XX в., была скорее «сколком» с проблем и противоречий западного общества, чем отражением непосредственных нужд массы населения страны. Ответить на этот вызов не так-то просто. Следует признать, что для россиян в проблеме демократизации находит отражение слишком многое: и география страны, и трагическая история, и строй речи, и укоренившийся способ обращения человека с человеком, и переплетение разных культур и конфессий. В определенном смысле понимание демократии для России равнозначно акту творения заново.

И, наконец, структурируя человеческую деятельность, демократия отнюдь не определяет формы ее протекания. Различные сферы человеческой деятельности могут быть демократизированы только в соответствии с их внутренней логикой, ценностями и целями, со спецификой исторического контекста. Короче, демократия это не просто свободный волевой акт приближения к некоему демократическому образцу. Никаких всеобщих схем осуществления демократии не существует, тем более в современном глобализированном мире. В данных исторических условиях, в данной стране демократический идеал должен быть наполнен самостоятельным содержанием и смыслом. И это самое трудное.

Демократия как политический формат совместного бытия людей предполагает определенную, достаточно сложную конструкцию общественных отношений. Сложность заключается в том, что «узлы» этой конструкции носят антиэтактистский характер. Разрешение противоречий между обществом и государством, свободой и ответственностью, участием граждан в политической жизни и профессионализмом решений, регионами и центром и т. д. – в

условиях демократии все это должно быть достигнуто не как победа одной стороны над другой, а как результат напряженного противостояния полюсов некоего исторического по своему существу практического движения, которое снимает противоречие и устраняет старую противоположность, переводя ее в форму собственного развития. Переходу к демократии, особенно в России, менее всего подходит определение «демократический транзит». Уместнее определить его как трудный процесс самоизменения, самоопределения общества, выработку новых отношений между людьми. Разумеется, история народа, его традиции и менталитет играют в этом процессе важную роль: они могут в чем-то способствовать демократическому развитию, а в чем-то тормозить его. Но не меньшее, а может быть, и большее значение имеет стратегия демократического развития.

Опыт нашей страны еще раз подтверждает ту истину, что для создания эффективной демократии недостаточно завоевания демократии командных высот в государстве и создания по образцу передовых стран современных институтов. Сделать Россию демократической можно демократическим же путем. Импульсы «сверху» должны подкрепляться импульсами «снизу». А это предполагает ряд условий и прежде всего подъем масс, моральный и материальный, не говоря уже о политическом, тех самых масс, которые до сих пор ощущают себя забытыми, отодвинутыми на обочину жизни произволом власть предержащих, бедностью, неуверенностью в завтрашнем дне, отсутствием перспективы. Приоритет ценностей свободы над имущественным неравенством оказался чужд отечественной традиции, нашему историческому прошлому, да и самому российскому менталитету. Дело, однако, не в том, что русский народ равнодушен к либеральным ценностям, просто-напросто демократический режим в том виде, в котором он существует сегодня, не решил стоящих перед страной проблем.

В докладе доктора политических наук **М.М.Федоровой** «Суверенитет как политическая категория» были поставлены следующие вопросы: с чем связано возникновение идеи суверенитета, как сопрягаются это понятие и понятие демократии, каково значение суверенитета в современную эпоху глобализации, порождающей размывание границ этого понятия? В докладе было показано, что оно является принципом политической теории, порожденной

эпохой современности, модерном. Ведь именно на основе этого принципа, начиная с нач. XVII в., с ранней современности, формировалось понятие «исторического государства», принцип индивидуализации народов, исторических наций. В средние века, в период существования децентрализованной политической системы формировался двойственно-противоречивый характер этого понятия, обозначавшего властные полномочия, одновременно принадлежавшие различным инстанциям (как феодалам, так и королю). Что касается Нового времени, то здесь монарх – это прежде всего законодатель. Если в средние века король выступает как судья, то в Новое время он формирует нормы. В результате меняется само содержание понятия «суверенитет», который связывается не столько с полномочиями одного из вассалов или короля, сколько с самим государством.

Традиционно автором идеи «суверенитета» называют Ж.Бодена, но следует отметить и значимость Н.Макиавелли, который, исходя из того, что политика есть дело человеческое, подчеркивал, что истина исторична, изменчива. Называя последнюю необходимостью, он понимал под ней саму материю истории, бесконечное разнообразие действующих сил, их соотношение. В Новое время принцип суверенитета подвергается сильной рационализации, включается в общую систему политического знания. В этот период произошла связка суверенитета с понятием демократии. Первый шаг в этом направлении сделал Руссо, разрабатывая понятие «общей воли». Затем аббат Сийес, перерабатывая руссоистскую концепцию, связал ее с понятием «представительства», идею которого Руссо отрицал по той причине, что она ведет к разрушению общей цели и становится частной. Общая воля противостоит воле всех, она выступает как воля единого народа, как моральное единство. Формируется связка «народ, общая воля, закон». Эта идея суверенитета народа была затем заменена на идею суверенитета нации. Сийес считал, что народ, общая воля не могут быть представлены, тогда как нация, состоящая из отдельных индивидов, может. Через переосмысление идеи нации он пытался выстроить преемственность от монархии к республике. Докладчик считает, что реальная связь идеи суверенитета с идеей демократии произошла как следствие рефлексии над событиями Великой французской революции в постреволюционном либерализме.

XIX век – век критики идеи суверенности народа в ее руссоистском толковании. В части ограничения всевластия суверенитета дальше всех пошел, пожалуй, Токвиль. Это были попытки ограничения политического монизма, обоснования тенденций политического плюрализма, свободной деятельности партий, легальных организаций. В современную эпоху эти тенденции выступают движущей пружиной развития принципа суверенитета в условиях глобализации, когда государство в значительной степени утрачивает монополию на решение внутривнутриполитических вопросов.

В докладе кандидата философских наук **В.Л.Цымбурского** «Идея суверенитета в позднесоветском и постсоветском контексте» был поставлен вопрос о различных модусах суверенитета: кто является источником и носителем суверенитета, где он локализуется? В истории Запада выделяются четыре концепции. Первая: источником суверенитета является божественное право монарха, суверенным выступает монарх. Вторая (с XVII в.): источником суверенитета является народная воля, носитель суверенитета – народ. Третья: в конце XVIII – первой половины XIX в. народ был персонализирован в нации, а суверенитет понимался как некоторое единство народа с государственным аппаратом. Четвертая (с середины XIX в.): утверждался суверенитет наций, понимаемый как право нации на самоопределение. Проблема суверенитета – это не столько проблема права (оно вторично), сколько проблема политики, внутренней и международной.

В советских источниках суверенитет понимался как способность государственной власти оказывать авторитетное воздействие, тотально влиять на все стороны жизни общества. Иными словами, декларировалась тоталитарная формула суверенитета, т. е. суверенитет факта. Благодаря руководящей роли партии осуществлялось присвоение народного суверенитета в пользу правящего слоя, правящей бюрократии. В советской концепции суверенитета содержались подрывные элементы: в конституции той эпохи присутствовал тезис о том, что Союз состоит из суверенных республик с правом выхода и т. д. Можно вспомнить разные аспекты этого ограниченного суверенитета, но важно другое: никого не смущало тогда, что суверенное государство может состоять из других суверенных государств. Во второй половине 80-х годов начался «парад суверенитетов», наращивались идеи республикан-

ского хозрасчета, экономического самоуправления, преимущества местных законов над государственными и т. д. Если суверенитет понимать как духовную власть, то неизбежно происходит смешивание власти с суверенитетом. Нужно разводить эти понятия. Если есть возможность детерминировать кого-то своей волей, то это есть проявление власти. А суверенитет – это власть не по отношению к тому, кого она детерминирует своей волей, а по отношению к миру, и признание власти миром, не охваченным ею. Иными словами, суверенитет – это не понятие права, а понятие языка политики. Всю историю политических игр вокруг суверенитета можно свести к двум аспектам: первый – это борьба суверенитета факта за превращение в суверенитет признания, второй – споры о модусах суверенитета («монарх», «народ», «правлящая элита», «нация как носитель культуры»).

Доктор философских наук **А.Г.Мысливченко** выступил с докладом «Соотношение экономической власти и политического регулирования в социальном государстве». В центре его анализа – вопрос о соотношении демократии с политикой и экономикой, точнее, института собственности и политического (государственного) регулирования. Докладчик обратил внимание на то, что на рубеже XIX и XX вв. возникновение монополий, финансового капитала, акционерных предприятий инициировало новое понимание соотношения экономики и политики, института собственности, субъектов экономической власти. Еще в XIX в. произошла трансформация субъекта собственности, вызвавшая далеко идущие последствия. Принцип единоличного управления частной собственностью подвергся эрозии, открылась возможность распределения прав собственности между частными и государственными субъектами власти, т. е. социализации отдельных функций права владения при одновременном сохранении самого института частной собственности.

В современных условиях важное значение приобретает поиск новых форм социализации, обновленное истолкование тех из них, которые уже в ранних теориях социалистического толка получили название обобществления. Бывшая когда-то популярной среди социалистов идея всеохватывающего централизованного планирования в настоящее время отвергается, но широко практикуются государственное регулирование и целевое программирование экономики с тем, чтобы проводить политику социального выравнивания.

В этой связи в западной политологии был выдвинут методологический принцип, получивший название «функционального» подхода к проблемам частной собственности. В отечественной литературе он по-настоящему не осознан и не раскрыт. Функциональный метод делает акцент на структуре права владения, охватывающей целый спектр функций (правомочий), таких как владение, распоряжение, пользование, контроль, распределение доходов и т. д. Одни из этих функций (например, право владения) могут оставаться в частной собственности, другие же могут быть обобществлены или социализированы. Таким образом, решающее значение придается не праву и не формам собственности, а политическому управлению отдельными ее функциями, т. е. контролю над производством и распределением его продуктов посредством создания прогрессивной шкалы налогообложения, регулирования рынка труда и т. д.

В заключение докладчик отметил, что демократические традиции в России формировались естественным путем – путем осознания ценностей суверенитета русской нации и русского государства. Особенность этого формирования заключается в том, что демократические традиции сочетались с упованием на патерналистскую роль государственной власти. Современная российская демократия является продолжением российской государственности на новом этапе развития, включающего в себя задачи демократизации, развития гражданского общества и задачи строительства суверенного государства.

Тема доклада доктора философских наук **В.Г.Федотовой** – «Идеология, политическое знание и демократия в России: 2008 год». В докладе отмечалось, что в 90-х гг. XX в. в России демократия отождествлялась с многопартийностью, политическим представительством. Интересы к непосредственной демократии не было. Представительная демократия, требующая партийного размежевания, была основой исходных понятий подобно тому, как это происходит во всем мире. Сегодня, как и в те годы, мы видим большое количество партий. При этом они не имеют идеологии или доктринальных оснований. Некоторые эксперты считали, что это хорошо, так как народ не станет реагировать на слишком амбициозные идеологические замыслы, и что именно разрыв с клас-

сическими политическими идеологиями – либерализмом, консерватизмом и социализмом – составляет суть момента и будет привлекательным для избирателей.

Партийный плюрализм 90-х годов отличался тем, что партии не имели консенсуса по поводу базовых интересов, исходили из различных вариантов стратегии. Поэтому партийная система построенная не была. Но к моменту выборов в Государственную Думу 2007 г. ситуация изменилась: вследствие достижения некоторого консенсуса партийные платформы подчас становились малоразличимыми. Напрашивается вывод, что платформой партий стало повседневное сознание, ориентация на непосредственные нужды людей без серьезных научных разработок целей и средств решения вопросов.

Между тем представляется, что, например, идеологию «Единой России» можно было бы обозначить как либеральный консерватизм. Признав парламентскую систему и свободный рынок, партия могла бы апеллировать к традиционным ценностям российского общества и поддержать политику национального суверенитета. Докладчик считает, что для «Единой России» пригодились бы две концепции: национальной модели модернизации и общественного политического класса. Согласно первой концепции, в странах, где не существует массовой буржуазной мотивации, как это было и в России, появляется национальная модель модернизации, проявляющая себя сегодня в незападных странах – Китае, Индии и др. Она связана с укреплением национального государства, суверенности, традиций, а также с развитием рыночной экономики. Согласно второй концепции, в России всегда существовала такая социальная опора, которая, не будучи частью гражданского общества, пыталась соединить власть и народ.

В заключение, говоря о роли науки в формировании партийной идеологии, докладчик подчеркнула, что подмена научной работы здравым смыслом порождает невнятную ситуацию. Практические ориентации партий создали минимально необходимый консенсус в понимании тактических задач, но для решения стратегических партии нуждаются в доктринах и идеологиях, вырабатываемых с учетом научного понимания современной социальной реальности.

Доклад кандидата философских наук **А.Г.Глинчиковой** был посвящен теме «Демократия и многообразие форм модернизации». В нем отмечалось, что необходимость демократии в России

связана с рядом социальных, экономических и геополитических проблем, порождаемых современным уровнем глобализации. Среди них можно выделить следующие опасности: неуправляемого социального конфликта, недостаточной легитимации власти, нового социального цивилизационного раскола, экономического отставания и, наконец, геополитической изоляции. При этом очевидно, что демократия как форма народовластия с необходимостью должна соотноситься с теми культурными, историческими и социально-политическими особенностями, которые характерны для данного народа и данного региона. Поэтому расширение демократического пространства в мире не столько отрицает значение западной демократии, сколько раскрывает богатство возможных форм и вариаций воплощения демократических принципов самоуправления посредством народа и в интересах народа. И здесь важно отдавать себе отчет, что поиск альтернативных моделей связан не с тем, чтобы называть демократией то, что ею не является, а с тем, чтобы найти адекватные формы демократизации в рамках других культур и тем самым углубить само представление о демократии. Поэтому для разработки специфики российской модели модернизации важно выйти за пределы традиционного сопоставления Россия-Запад и посмотреть на опыт демократического поиска в других цивилизационных сегментах. Для сопоставления были представлены китайская и латиноамериканская модели модернизации. По мере рассмотрения конкретных моделей сопоставлялись те моменты, которые выступали в качестве повторяющихся, необходимых, а потому существенных атрибутов для нового определения демократии.

Особенность китайской трансформации связана с сохранением коммунистического политического и идеологического каркаса при серьезной модернизации экономических отношений. Разумеется, это не могло не отразиться и на особенностях социальной, публичной сферы. Современная модель социальной интеграции уходит своими корнями в предыдущую китайскую систему, при которой массовые общественные организации рассматривались как средство коммуникации между коммунистической партией и обществом, государством и обществом. Сегодня в условиях сохранения традиционной схемы, при которой задачей общества является «информирование» о проблемах, а задачей официальных институтов

их идеологическая артикуляция и решение, появляются новые моменты. В то время как при традиционной модели государство сохраняло жесткую монополию на решение вопросов, касающихся общества, сегодня оно все чаще делегирует право представления определенных интересов и решения определенных задач уполномоченным общественным организациям. Это позволяет, с одной стороны, придать системе большую гибкость и информационную насыщенность, а с другой – сохранить патерналистский характер отношений государства и общества, не допуская политической субъективизации социума и перехода к «конфликтной» европейской модели отношений общества и государства. При определенном сходстве российских и китайских посткоммунистических реалий, в России такая модель модернизации вряд ли эффективна и возможна. В силу ряда своих особенностей Россия уже вышла из коммунистического политического и идеологического каркаса. Поэтому развитие и модернизация страны в рамках сохранения патерналистской модели представляются малопродуктивными.

Тем не менее при движении в направлении современной гражданской модели модернизации Россия сталкивается с рядом проблем, характерных для латиноамериканского региона. Речь идет о противоречии между «вестернизацией» и цивилизационной адаптацией. Поиск наиболее эффективного сочетания элементов западной модели и постколониальных аспектов развития демократии является центральной проблемой латиноамериканской модернизации. «Прививка» западных моделей и ценностей к иной цивилизационной традиции порождает необходимость расширения принципов демократии до границ, способных не только формально, но и реально подключить латиноамериканский социум к сфере демократического управления и контроля. В этих условиях демократия рассматривается уже не просто как сфера формального функционирования принципов политического участия и управления, а дополняется требованиями новых прав: права жить в гармонии с природой; права быть частью культурной среды; права участвовать в принятии решений на различных уровнях; права на самоуправление; права на развитие в условиях культурного плюрализма и др. Важно, что определяющим вектором демократии в новых условиях становится вектор не столько универсализации определенного принципа, сколько многообразия и плюрализма.

При несомненном сходстве ряда проблем, связанных с пост-колониальным развитием, Россия, в отличие от стран Латинской Америки, прошла уникальный путь самостоятельного преодоления внутреннего цивилизационного разрыва в рамках суверенного социалистического государства. Это открыло России, с одной стороны новый спектр возможностей демократической модернизации (например, высокий уровень социокультурной равномерности, унаследованный от эпохи социализма). С другой стороны, этот же тип развития породил целый ряд специфических препятствий для демократии, не имеющих аналогов в других регионах. В частности, речь идет о глубоком моральном кризисе общества, связанном с дискредитацией социалистической модели и отсутствием ясных социально-экономических и идеологических альтернатив. Именно эти моменты, кроме всего прочего, породили распад социальной и политической ткани, который по-прежнему напоминает о себе тем, что общество стоит перед серьезными проблемами в сфере национальной, социальной и политической идентичности. От преодоления названных вызовов во многом будет зависеть путь дальнейшей российской модернизации и демократии.

В докладе кандидата политических наук **С.Г.Ильинской** анализировались «Проблемы демократической легитимации власти в современной России». Ссылаясь на определение В.Л.Цымбурского, что суверенитет есть факт власти и факт её признания, докладчик уточнила: легитимность власти включает в себя признание её не только со стороны мира, не принадлежащего ей, но и со стороны мира, ей принадлежащего. И тут выявляется закономерность: в российском случае демократическая легитимация является необходимой для полноценного признания только со стороны мира внешнего, но не внутреннего.

Применительно к Китаю и России Вебер описал патримониальный тип бюрократии, который вообще-то был свойствен на определённых этапах развития многим обществам, но в названных укрепился и задержался. Основу власти патримониальной бюрократии образует присвоение чиновниками должностей и связанных с ними привилегий и экономических преимуществ. На особый тип российской власти обращали внимание и другие авторы. Р.Пайпс даже ввёл специальный термин – вотчинный тип. Причём он считал, что вотчинный тип власти сохранялся и в СССР, а, на-

пример, П.Гайденко и Ю.Давыдов говорили о новом советском типе – тоталитарной бюрократии. Сегодня М.Афанасьев говорит в своей монографии о клиентарной бюрократии, расширяя границы явления за пределы российской почвы, рассматривая его в мировом масштабе. Действительно, для российского чиновничества характерно сохранение и воспроизводство патрон-клиентских отношений, в частности, произвольное назначение по принципу личной преданности, а не ради служения долгу, которое в итоге приводит к вырождению власти в привилегию, в апроприацию должности, когда обязанности чиновника выполняются лишь в расчёте на вознаграждение. Личностный, а не формально-правовой характер взаимоотношений пронизывает всю систему, начиная от взаимоотношений между главой государства и высшими чиновниками и заканчивая любым министерством, агентством, ведомством. К сожалению, ограничитель, придуманный Вебером для подобного типа бюрократии, у нас не работает: для того, чтобы быть легитимной, российская бюрократия не нуждается в подотчётном политике, избираемом путём плебисцита. Напротив, политик обретает свою легитимность благодаря традиционно-бюрократическому, а не демократическому способу легитимации. И только постфактум ему «подращивают харизму» различными методами.

Видимо, для того, чтобы быть устойчивым, любой способ легитимации власти должен стать традиционным. На ранних этапах становления сословной демократии, клановой или бюрократической автократии и т. п. опора на харизму является необходимым дополнением для нового типа легитимации. Позже, когда новый способ становится традиционным, а политическая система – стабильной, харизма ликвидируется за ненадобностью.

Однако в условиях постсовременности, характеризующейся «сжатием» пространства и времени, новый тип режима не имеет времени на то, чтобы новая традиция «устоялась», и, радикально нуждаясь в устойчивости, реанимирует традиционные способы легитимации. Увы, демократическая форма легитимации в России не успела стать традиционной. Для того чтобы это произошло, надо было пережить несколько смен власти. А это создавало риск передела собственности вплоть до пересмотра итогов приватизации. Поэтому произошёл возврат к традиционно-бюрократическому способу легитимации, устоявшемуся в СССР.

По мнению докладчика, демократия – отнюдь не наивысшая ценность. Авторитарный и демократический типы режимов являются законными историческими альтернативами. Вызовы современности ставят перед российской политической системой две противоположные задачи: обретения, с одной стороны, устойчивости, с другой – динамичности. Устойчивости требуют интересы самосохранения, динамичности – вызовы глобализации.

Было бы неправильно пытаться построить подлинную демократию по западным стандартам. У нас нет времени пройти в короткие сроки тот путь, который Запад проходил в течение столетий: пережить, например, эпоху первоначального накопления капитала, «дикий» капитализм и прочие «прелести» становления. Тем более, что переживать это придется в мире, где утвердились определенные стандарты прав человека, в том числе и социальных. Было бы ошибкой попытаться догнать западные стандарты, в то время как сам Запад радикально меняется. Мы в определенном смысле уже предпринимали такую попытку во время «шоковой терапии» 1990-х годов, и данный опыт, кстати, отрицательно повлиял на утверждение демократического типа легитимации власти, вообще на восприятие демократии как ценности. Поэтому нам остается признать, что демократия – всего лишь проект, цивилизационный феномен, и предложить миру свой, альтернативный вариант развития. Догонять или предлагать его нам нужно в тех условиях, когда «старые» идеологии (либерализм, консерватизм, социализм/коммунизм) стремительно утрачивают свой мобилизационный ресурс. И не случайно российские партии сейчас в большой степени деидеологизированы.

Доктор исторических наук **А.В.Шубин** начал свой доклад «Демократия реальная и мнимая» с того, что обратил внимание на некоторую путаницу в идеологических рассуждениях. Существует мнение, что демократия – это синоним западного пути развития, демократия – это народовластие. Существует ли демократия на Западе? Существует, но в виде отдельных элементов. Демократия была и в СССР – также представленная элементами, причем очень существенными. Существует ли демократия на Западе как система? Конкретный анализ показывает, что важнейшие решения там принимает элита. Но, в отличие от отечественного авторитаризма, на Западе развивается плюрализм. При таких отношениях, весь-

ма отличных от демократии, элита и вся политическая структура фрагментирована, фрагменты «плавают» в «супе» конкуренции, и каждый из них имеет внутреннюю самостоятельность и собственную связь с населением. Природа этих «фрагментов» разнообразна: это могут быть и элементы демократии, и авторитарные блоки, но в целом западная система не становится авторитарной, поскольку сохраняется конкуренция.

Если демократия – это народовластие, то народ – это общественно активное население, а не только элиты. Это люди, которые не являются профессионалами в принятии общественно значимых решений, но они могут принимать коллективные решения по вопросам, которые их затрагивают, прежде всего посредством механизмов самоуправления. В современной России это практически невозможно: как только самоуправление становится чем-то реальным, сверху начинают под разными предлогами «корректировать» его. Из мирового опыта мы знаем много примеров эффективного самоуправления. Но все они локальны. Поэтому необходимо выработать процедурные механизмы согласования локальных решений в более широком масштабе.

В XIX в. левые мыслители обсуждали два варианта «надстройки» над самоуправлением – парламентаризм и делегирование. Убийственная критика парламентаризма с точки зрения демократии была дана П.-Ж. Прудоном, Н.Бакуниным, некоторыми марксистами. Р.Люксембург сформулировала весьма важную оговорку: иногда и в рамках парламентаризма оказывается возможна демократия. В обычной ситуации парламент – это собрание выдвигенцев «денежных мешков» и партийных машин. Но в революционную эпоху, в момент крайнего возбуждения и раскола общества, когда проблемы вняты всем, когда идеологический спектр открыт и ясен, именно парламент может обеспечить легитимный компромисс действительно народных мнений. Такова была идея Учредительного собрания в 1917–1918 гг., о чем писала Р.Люксембург. Как момент демократия может иметь место в рамках плюралистического режима, но как система демократия должна быть иной.

Но какова же эта демократическая система и нужна ли она вообще? Демократия – это обратная связь с населением. Современное общество без демократии склеротично, хрупко и неустойчиво. Полезно, когда элементы демократии усиливаются, завое-

ывают новые ниши и давят на остальную систему. Такие процессы обычно отождествляются с гражданскими движениями, с гражданским обществом в собственном смысле слова. Но этого недостаточно: гражданское общество само типологически неоднородно и манипулируемо, оно проявляет себя не только в движении снизу вверх, но и в управляемом движении сверху вниз. Демократия актуальна именно для большой территории, где особенно сильны угрозы имперского авторитаризма и сопротивления в регионах, чреватого расколом единого государства. Демократия в более широких масштабах, чем просто самоуправление, как раз и нужна для противостояния обеим этим угрозам. Так, критики парламентаризма XIX в. предложили модель демократии на основе согласования, синтеза низовых интересов: делегирование, союз союзов, низовым звеном которого является самоуправление. Не зная об этом «охлократы» в 1905–1917 гг. начали выстраивать именно эту систему в виде Советов. Это восстание масс (а восстание масс – это революция, а не тоталитаризм) не увенчалось успехом – авторитарная партократия победила. Но и на сегодняшний день при всех оговорках идея Союза союзов (федерации федераций), основанная на самоуправлении как базе, – это единственный магистральный путь развития собственно демократии. Сегодня, в условиях глобализации, классическое национальное государство уже не может выполнять свои социальные функции. К тому же внутри глобализма складываются черты нового тоталитаризма – манипулятивного. Мы стоим в преддверии формационной смены, поскольку индустриальное общество свой ресурс почти исчерпало. Новая формация может проявиться в очень разных вариантах. Соотношение элементов тоталитаризма, авторитаризма и демократии в ней может быть разным. Сейчас очевиден перекосяк в сторону манипуляции, следовательно, нужно направить все силы на укрепление противовеса – элементов демократии: гражданской системы самоуправления, а также координации ее элементов с помощью делегирования, соответствующего преобразования социально-политических структур в тех странах, которые не хотят быть просто провинцией глобальной империи. Не грезы о реинкарнации Российской империи, а выработка демократической альтернативы господству новой сверхэлиты – вот важнейшая задача на сегодня.

В обсуждении вопросов, поставленных докладчиками на методологическом семинаре, активное участие приняли доктор филос. наук В.М.Межуев, доктор филос. наук Б.Г.Капустин, кандидат полит. наук И.А.Ерохов, доктор филос. наук В.Н.Шевченко, доктор филос. наук Э.Ю.Соловьев, доктор полит. наук Е.А.Самарская, кандидат филос. наук Б.А.Баллаев, доктор филос. наук Р.И.Соколова, доктор филос. наук Т.Б.Длугач и др. Обсуждение проблем суверенной политики и демократии велось как в историческом плане, так и с точки зрения современных условий, требующих во многом нового подхода к анализу, казалось бы, уже известных понятий. Участники семинара пришли к выводу, что в мире не существует каких-либо всеобщих значимых схем осуществления демократии. Она хотя и предполагает определенный политический формат совместного бытия людей, все же вырастает не из особой, политической сферы управления, а из свободной, основанной на взаимопонимании коммуникации граждан. Демократические принципы вырабатываются постепенно, в результате решения задач, возникающих в повседневной практической жизни. Тот или иной уровень демократии не зависит от конституций и парламентских учреждений. Особое внимание выступавшие уделили анализу суверенного пути России в осознании ценностей демократии, необходимости учета национальных и интернациональных условий ее формирования. Российская государственность на новом этапе ее развития включает в себя задачи как демократизации общества, развития гражданского общества, так и укрепления суверенного государства как механизма гармонизации общественных интересов.